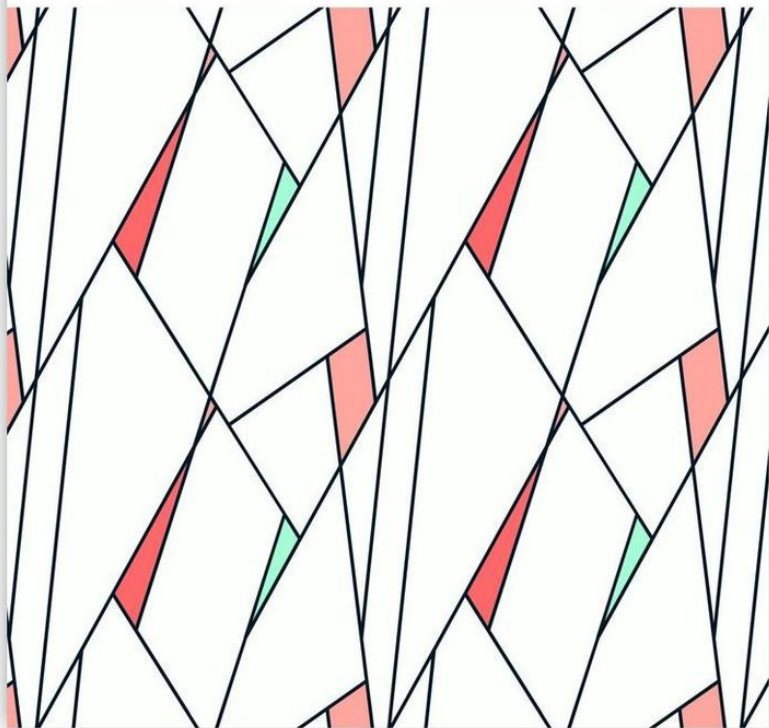

18+

Антонина Евстратова
Камышенские сибирячки

Антонина Евстратова

Камышенские сибирячки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40150361

ISBN 9785449610935

Аннотация

Молодая девушка, унаследовавшая красоту, ум и характер от матери, а силу, смелость и решительность от отца, никого не допускает в своё сердце. Но вся её жизнь круто изменится из-за необдуманного ею поступка.

Содержание

Глава первая	5
Исповедь перед другом	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	23
что ждёт тебя	23
Глава третья	28
неприкосновенный запас	28
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	36
Воспоминание	36
Глава пятая	44
признание	44
Глава шестая	50
Боюсь разоблачения	50
Глава седьмая	53
От себя не убежишь	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Камышенские сибирячки

Антонина Евстратова

© Антонина Евстратова, 2020

ISBN 978-5-4496-1093-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Исповедь перед другом

Дальний уголок Сибири. Уборочная страда. С раннего утра мужчины, женщины и подростки, вышли на пшеничное поле. Косильщики и косильщицы торопились до наступления жары докосить свои ряды длиной до ста метров.

Двое друзей Илья и Игнат далеко ушли вперед. Внезапно Илья остановился и будто замер, обратив свой взор на соседнее поле.

Игнат обернулся на него, и усмехнулся.

– Что с тобой, Илья? Ты уставился на баб, как конь на жеребицу, того гляди, заржешь! Поторапливайся, коси, не то мужики обойдут нас!

– Не обойдут! Ты только посмотри, Игнат, в сторону соседнего участка на женщин!

– Да, что, Илья, на них смотреть? Бабы, они и есть бабы! Что я их не видал? Если бы ты знал, скольких девок руки мои перещупали!.. Да все они, одним миром мазаны!

– Ну, не скажи, Игнат, такую красавицу ты не видал!

– Сейчас гляну, из-за кого ты не можешь, ноги раздвигать! – опираясь на косу, Игнат устремил свой взор на косильщиц.

– Ну, и что, Илья, все бабы на одно лицо!

– Ты смотри, Игнат, смотри!

– Ну, смотрю я, и что?

– Ничего, Игнат, просто смотри!

Игнат, прищуриваясь от солнечных лучей, приложил ладонь к широким бархатистым бровям, долго всматривался черными глазами в женщин.

– Постой, постой, Илья, вижу! Кто эта баба? Она идет впереди всех!

– Не баба, а женщина! – с нежностью произнес Илья.

– Ну, хорошо, женщина, какая разница?

– Для меня большая! – он смотрел на нее, как на картинку и любовался ею.

– Да, Илья, ты прав, ее невозможно не заметить, она выделялась бы даже из сотни красавиц! – согласился Игнат.

– А – я что говорил?! – воскликнул Илья, расчесывая рукой, черные усы, будто готовился к свиданию.

– И кто она?

– А зачем тебе? – Илья криво улыбнулся и ревностно посмотрел на друга.

– Необычная, редкой красоты женщина! – с восторгом сказал Игнат.

– И – я о том же, а ты не верил!

– Как это раньше я не заметил ее? Расскажи, Илья, откуда такая красавица? Или ты сам не знаешь? – с любопытством спросил Игнат.

– Знаю, да лучше бы не знал... и жил бы спокойно... душу не терзал.

Он обратил свой взор на бесконечно огромное поле, на нескошенную пшеницу и тяжело вздохнул.

Игната еще больше разобрало любопытство, он встал перед другом.

– Ну, давай, не томи, рассказывай! Замахнулся, так бей!

– Тебе зачем? – ледяным голосом спросил Илья.

– Уж больно хороша женщина! – не скрывая восторга, ответил Игнат. – Сам Бог хочет чтобы я встретился с ней!

Илья хмуро посмотрел на друга.

– Да пошел бы ты, бабник, ничего я рассказывать тебе не буду!

– Ты что ревнуешь? – усмехаясь спросил Игнат.

Илья сдвинул широкие черные брови, повернул козырек фуражки назад и зыркнул на Игната светло-зелеными глазами. Ему хотелось сказать другу нечто такое, чтобы тот понял;

– На чужой каравай, рот не разевай, – но, открыв тонкие губы, изо рта не прозвучало ни звука.

– Илья, неужели ты подумал, что я правда... Я на такое не способен, просто, ради любопытства!

– Смотри, Игнат, за нее кому угодно могу голову свернуть!

– Плохо ты думаешь о друге! – обиженно буркнул Игнат.

– Ладно расскажу, да толку что рассказывать?.. Снова душу теребить! Знаешь, как здесь скребет, – Илья приложил

руку к груди и посмотрел в сторону женщин. Тяжело вздохнул, изо рта прозвучал тихий стон.

– Эх! – покачал он головой, – недосыгаемая ты моя!

– Ну, ладно, так и быть, – он повернулся к Игнату,

– Матреной её зовут, овдовела лет пять назад. Мужа её, я не видал, но слышал, о нем говорят, был силачом! Из всей округи сильнее его не было, мог одним ударом кулака убить быка!

– Фигня все это, Илья, какой надо иметь кулак, чтобы одним ударом убить быка? Кувалдой и то надо ударить несколько раз, а это кулаком! Нет, я не верю!

– Не знаю, Игнат, об этом я слышал от нескольких мужиков, говорят, они сами видели, как он убил быка-убийцу!

Игнат расширил глаза и приподнял бровь, – вот это силача!.. – помотал головой. – И, что дальше с Матреной?

– Да, что? После к ней много мужиков сваталось, и она могла бы выбрать любого для себя. А нет, для всех от ворот поворот. Для нее нашего брата не существует, да она и не нуждается в мужиках, всю мужскую работу делает сама!

– Работа работой, Илья, а мужика ей надо! Смотри, в ней кровь с молоком играет, сочная, аппетитная! От одного взгляда на нее, кровь в жилах закипает! – с азартом произнес Игнат.

– Остынь, а то гляди, вся кровь выкипит! – с усмешкой сказал Илья.

– Что неужели заревновал? – заглядывая в светло-зеленые

глаза другу, спросил Игнат.

– Бесплезно ревновать, она и на тебя не посмотрит.

– Почему ты знаешь? На тебя не смотрит, а за мной может, побежит!

– Не парся, Игнат, к ней сватались такие мужики, не чета нам с тобой!

– Может, на этот счет, Илья, у нее есть свои причины? Не может, быть, чтобы здоровая женщина мужской ласки не хотела!

– Я согласен с тобой, Игнат, тяжело ей без мужской ласки! Здесь, думаю, дело в ее дочери, она родила ну, как говорят, в подоле принесла! Для Матрены, это было большим позором. У нее самой, тогда был свой грудной малыш. А здесь дочь оставила ей своего ребенка!

– Что она бросила его? – он удивленно приподнял дугообразные черные брови.

– Нет, Игнат, не бросила, она безмолочной была! Ну, Матрена забрала себе, отняла своего мальчонку от груди и стала кормить внучку.

– Да, «повезло» женщине! – сказал Игнат, поглаживая черные густые волосы на своей голове.

– Я бы, Игнат, сказал, повезло внучке!

– Я в другом смысле, Илья!

– А ну, да!

Внучка, как только разговаривать начала, стала называть Матрену мамой, а мать свою по имени. А пока Матрена под-

нимала внучку, сын средний повзрослел, сразу предупредил мать:

– «Уйду, говорит из дому, если ты выйдешь замуж!» – Его, она очень стеснялась и боялась потерять.

– Думаю, Илья, дети её эгоисты!

– Может, быть, только она так не думает!

– А о себе, она не подумала, что ждет её впереди? – Игнат нервно дернул рукой.

– Ясно, Игнат, что её ждёт!.. – Он вздохнул, – такой женщиной не просто овладеть. А люблю её больше своей жизни! Я согласен идти за ней хоть на край света!

– Не понимаю я тебя, Илья, неужели так сложно уговорить бабу?

– Не бабу, Игнат! На бабу, я не посмотрел бы! Такая у меня уже есть! – он криво ухмыльнулся.

– Не поверю я, Илья, чтобы перед тобой можно было, устоять! Ты посмотри на себя, какой ты бравый! Высокий, сильный, как Спартак! И нос греческий и волосы чернее смолы!

Илья расхохотался, показывая при этом ровные белые зубы.

– Что, Игнат, на тебя нашло? Нахваливаешь меня, будто перед будущей тещей.

– Так и есть! Ты не замечаешь, за тобой молодые девчата табуном ходят!

– Ходят, да не те! Эх ты, Игнат, знал бы ты её, не гово-

рил бы так!

– Ты заинтриговал меня, Илья, попробую познакомиться с ней поближе, так ли она хороша, что при виде ее ты, дышать перестаешь!

Илья гордо поднял голову и холодно посмотрел на друга.

Пока друзья вели разговор, Матрена поравнялась с ними. Повернула голову в их сторону и, как бы осуждающе посмотрела на них.

– О чем можно говорить? Время к обеду, ряд докосить надо, а им хоть бы хны! – Отчего она еще быстрее стала махать косой, только слышно было, как стебли срезанные литовкой, производили звуки джиг-джиг, ложась мягко и ровно один к одному. Спина её перевязана зеленым жгутом через плечо, что облегчало держать литовку, и красиво подчеркивало стройную фигуру.

– Смотри, Илья, как мастерски она управляет косой, а, какой красивый ряд!

– Да, Игнат, она на все руки мастер, мужику ни за что не уступит, давай и мы поднажмем, не то она обсмеет нас!

Друзья остановили на ней свой взгляд.

Её прядь темно-каштановых волос выбилась из-под зеленого платка и свисала над черной дугообразной бровью, она изредка сдувала ее вверх, при этом густые черные ресницы произвольно закрывали широкий полуовальный разрез изумрудных глаз.

Она почувствовала на себе взгляды мужиков и залилась

смущенным румянцем, отчего стала еще красивее.

– Илья, ты знаешь её давно?

– Как с фронта пришел.

– Она была уже вдовой?

– Тогда, Игнат, я не видел и не знал ее. Потому что сам только что прибыл сюда. Мне было нужно где-то жить, я нашел себе жилье и стал сожительствовать с хозяйкой. У нее с фронта муж не вернулся, вот она и приняла меня. Сам знаешь, каково здоровой бабе без мужика! Да и наш брат фронтовой после войны на женщин, как пчелы на мед слетались! Ну, я обрадовался бабьему телу и завалился к ней под бок! А после встретил Матрену, влюбился и решил, попытаю свое счастье, пришел к ней домой. В избу не заходил, она строила себе баню.

– Увидев меня, она смутилась, одернула край голубой длинной юбки, которая обнажала выше колена ее стройную ногу. Точеная головка была накрыта светло-зеленым платком, один конец, которого свисал на хрупкое её плечо, отчего изумрудные глаза казались ещё зеленее. Никогда мне не приходилось так близко видеть женщину неопишуемой красоты, я был настолько поражен, что сразу не мог начать диалог. Не меньше удивило меня, когда я увидел ее мастерство, ни за что бы не подумал, что можно смастерить такое чудо из соломы, глины и прутьев чащи!

– Ты ко мне? – спросила она звучным голосом.

– Да к Вам, – робко ответил я, – пришел помочь вам

по строительству, вам же нужны помощники?

Измерив меня своим пронзительным взглядом, спросила:

– Тебе что-то надо? – присев на скамью у стены, предложила присесть мне рядом и очень внимательно посмотрела в мои глаза.

Наши взгляды встретились. В ее глазах я растворился полностью и понял, что люблю ее страстной любовью и не проживу дня без нее! Я задался целью, добиться ее взаимности, что бы ни стоило мне.

Она окинула меня взглядом, отчего я растерялся, и не знаю зачем спросил:

– Вы строитель? – Она ничего не ответила, легкая улыбка скользнула по румяному её лицу. Через мгновение спросила:

– Ну, так что, помощник, зачем пришел, или так и будешь молчать?

Она, конечно, догадалась, что я влюблен в нее и вела себя со мной, как кошка с мышкой! А я думал все о своем, как бы мне завидовали все мужики, если бы вдруг, она вышла за меня! Пока я представлял себе, она улыбаясь, повторила свой вопрос:

– Что ты хотел, помочь мне или еще чего? – голос ее был глубоким, а тон властным.

Веришь, Игнат, перед фашистами я не робел так, когда шел в атаку! А перед ней терялся, не мог собраться с мыслями, шарпал по земле своими сапогами, и как мальчишка молчал. Я смотрел на нее и мой язык не шевелился!

Видя мою растерянность, она встала, взяла меня за локоть и вывела на улицу.

– Здесь тебе будет лучше! – тихо сказала она.

Я вдохнул свежего воздуха и действительно почувствовал облегчение, меня покинуло напряжение, и вернулась уверенность. Я взял ее руку в свою ладонь.

– Прости меня, – заикаясь, проговорил я.

– Конечно, прощаю, – ответила она улыбаясь, – но за что?

Она смотрела на меня мило, как ласковый ребенок!

– За то, что я такой, – с волнением произнес я. – Понимаете, с тех пор, когда встретил вас, думаю только о вас!

– Значит, как я поняла, ты признаешься мне в любви? – прищулив свои очаровательные глаза, спросила она и улыбнулась краешком прелестных губ.

– Да! – выпалил я, – поймите я не мальчик, за плечами долгая прожитая жизнь, имел семью, пока был на фронте потерял!

– Как потерял? – с волнением произнесла она.

Мне не хотелось, говорить ей о моей семье, но она настаивала своим взглядом на рассказе и ждала. Я не мог отказать и все рассказал.

Она вздохнула и тихо сказала:

– Моего мужа не взяли на фронт, у него были больные легкие... и все из-за курева! Знал, что нельзя не то, что курить, а даже нюхать табак! И как этого не понимают курильщики?... Он бы ещё пожил, если бы серьезно относился к сво-

ему здоровью, теперь приходится жить за себя и за него...

Она сделала не большую паузу.

– Что поделаешь, значит Богу так угодно, – голос её срывался, – ничего выживем...

Я понимал, насколько ей трудно нести вдовью долю и удивлялся, как смогла, она поднять четверых детей и выжила сама в годы войны? Тогда в деревне в каждой семье от голода умерли почти все старики и маленькие дети. Да, в Сибири не было войны, но была борьба с голодом.

– У меня, – продолжала она, – не вернулись с фронта два брата и два зятя-мужья моих сестер, дети остались сиротами. Проклятая война!.. – помолчав с минуту, с горечью продолжила:

– Мужики из нашей деревни почти все погибли, из них больше половины молодые ребята. Считаю, стала деревня обезглавленной, а приезжие кто они, откуда и почему здесь неизвестно. Не поверю, чтобы до войны у них не было родных или близких, вот ты, как попал сюда?

– Видно Бог направил в ваше село, чтобы найти свою половинку, – ответил я спокойно.

– Ну и, как нашел?

Наши взгляды снова встретились.

– Не нашел, а встретил! – Я имел в виду её, и как школьник, не выучивший урок, терялся перед строгим взглядом учителя, но с усилием перевел дыхание, сказал:

– Встретил тебя!

Она улыбнулась также умиленно. Мне показалось, ей понравился мой ответ, с минуту она молчала.

– Я правильно понимаю, ты зовешь меня замуж?

– Наконец-то! – подумал я, – разговор подходит к тому, зачем я пришел.

Глядя в ее завораживающие глаза, я тонул в них и с нежностью сказал:

– Да, зову и прошу вашей руки, Матрена, выходи за меня замуж!

– Звать то тебя, как, жених? – она еле сдержала смех, – а то неудобно, как-то, давать согласие выйти за человека без имени!

Глянув на меня, я увидел, как в ее глазах зажглась искорка, затем она подняла свои пушистые ресницы и посмотрела в небо, будто хотела у кого-то спросить совета.

– Прости, – робко начал я, – увидел тебя, и все вылетело из головы, зовут меня Илья, зачем приехал сюда я уже говорил, а квартиру у Фени.

Неожиданно отвернув от меня голову в сторону речки, которая в метрах десяти была от постройки, и, как бы прислушиваясь к ее журчанию, молчала, затем тихо переспросила:

– У Фени?

– Да, у нее, – смущенно ответил я.

– А, слышала, слышала, она очень довольна своим квартирантом! Говорит, он души в ней не чает! Так значит это ты? – холодно спросила она.

Она повернулась ко мне и с улыбкой спросила:

– Что же ты, Илья, обижаешь Феню? С ней спишь, а меня пришел звать замуж!

С этим вопросом она застала меня врасплох. А-я, будто жевал слова, еле выговорил:

– С Феней у меня ничего серьезного нет, я уважаю просто ее!

– Вот-вот, и она говорит так! Хорошо, Илья, за предложение замуж спасибо! Я подумаю, а сейчас у меня много дел, извини!

Она резко встала и зашла во внутрь постройки, не посмотрев даже в мою сторону.

Я стоял с надеждой на то, что она выйдет, зная, что я не ушел ещё, но она не вышла. И только тогда я понял, не стала она продолжать диалог из-за Фени.

– Вот так, Игнат, сходил я, попытал свое счастье!.. Простить себе не могу свою глупость! После приходилось нам пересекаться, и я намекал о своем предложении. Она мило улыбалась и молча проходила мимо меня. Веришь, Игнат, в моем сердце только она, не знаю, что делать?

Игнату хотелось, дать совет другу, но он и сам не знал, что сказать.

– Ну, ты и шустрик! Любовь женщины, нужно добиваться годами! А ты хотел, получить согласие за один час!

За разговором не заметили друзья, как Матрена обогнала их, и как сами дошли до конца ряда.

– Игнат, все делаем передышку, ждем мужиков, пока они закончат ряд, тогда все вместе и пообедаем! – прерывисто сказал Илья.

Матрена лежала на траве под ветвистым кустом, закрыв пушистые ресницы, она держала соломинку во рту и изредка покусывала ее. Хотя её фигура и была скрыта от мужских взоров, но невозможно было не заметить, как при вдохе поднималась её высокая грудь, крутые бедра и стройные ноги сразу бросились Игнату в глаза.

– Смотри, Илья, Матрена уже отдыхает!

– Ну, я же говорил, поднажать надо, а ты Расскажи да Расскажи! Вот дорассказывались! Если и дальше так пойдет, женщины свое поле закончат быстрее мужчин!

– Ну, что теперь, утопиться? – буркнул Игнат. – Давай подойдем к ней!

Матрена услышав голоса, приподнялась на локте, приложив руку выше дугообразных бровей от палящего солнца,

– А, мужики? Как жарко сегодня! Идите под куст, места всем хватит!

Игнат подошел первым. Илья не решался подойти, стоял под солнцепёком, опершись на литовку, тяжело дыша вытирал с лица и шеи пот.

Матрена обратила внимание на Игната. У него резко очерченный профиль лица с застывшим на нем серьезным задумчивым выражением. Раскрасневшееся лицо говорило о нерв-

ном возбуждении.

– Он стесняется меня, – подумала она и улыбнулась.

Плечи его сразу расправились, он стал как будто выше ростом, а в черных глазах загорелись искорки.

– Какая красавица! – подумал он, – а запах какой сладкий и манящий исходит от нее, с ума сойти можно.

Стыдно стало ему за свои чувства, неожиданно прихлынувшие к нему, он отошел в сторону, чтобы скрыть свою возбужденность. Закурив папиросу, затянулся дымом крепкого табака, глубоко вдыхая и снова выпуская его кольцами изо рта тонких губ, сам украдкой поглядывает на Матрену.

– Вот черт! Ничего подобного не происходило со мной! Не зря, Илья говорил, что легче было в атаку идти, чем подойти к ней! За такую женщину и побороться можно!.. Но как? Илья же друг мне!... А, что с того, что друг? Когда брат у брата уводит любимую женщину, или сын у отца и наоборот! Может, эта женщина моя судьба, мало ли, как жизнь повернет! Ничего, проживем, увидим! – размышлял Игнат.

Рядом с Матреной лежала сумка с обедом, она приподнялась, посмотрела по сторонам, женщины из ее бригады подходили к концу ряда, и время подошло к обеду.

– Присаживайтесь рядом, мужики, пообедаем, что Бог послал!

Она достала булку домашнего круглого хлеба с подрумяненной корочкой, яйца, соль, молоко, огурцы и зеленый лук-пырей. Такая еда была у каждого, кто работал в поле.

– Как знала, что сегодня обедать буду не одна, да вы при-
саживайтесь, не стесняйтесь!

Игнат докурил свою папиросу, погасив слюной, отбросил от сухой травы. Незаметно Матрёна наблюдала за ним. Его лицо с грубоватыми чертами и сияющими глазами говорили о его шельмецком характере!

– Илья! – крикнул Игнат. – Что ты ухватился за литовку, как за девку? Иди, перекусим! – на его губах заиграла пленительная полуулыбка, она была только для Матрены.

Она томно опустила глаза.

Илья положил свою литовку, неуклюже подсел с боку к Матрене, как бы нехотя коснулся предплечьем ее спины, внутри его тела мгновенно прошла волна.

Она отодвинулась в сторону.

Обедали молча, Илья с Игнатом перемаргивались, пере-
глядывались.

Матрена ловила на себе их взгляды, из за чего румяные её щеки приобрели более красный цвет. Ей стало ясно, мужчины вели о ней разговор. Ничего не говоря, она обтерла руки, поправила платок на голове, бросив на них обсуждающий взгляд, резко поднялась, и пошла к своим женщинам, оставив друзей одних.

– Вот как, даже слова не сказала, вскочила и ушла! – буркнул Игнат.

– Я бы тоже ушел! Ты думаешь, она не заметила, что мы с тобой ненормальные? Эта женщина мудрая, видит нашего

брата насквозь! Тем более, после моего предложения выйти за меня! – с досадой сказал Илья.

– Да, как не понять?.. Ну, Илья, соглашусь с тобой, правду ты рассказал о ней! Ты видел, какого цвета у нее глаза?

Илья усмехнулся.

– Нет, не видел! Да эти глаза всегда перед моими глазами!

– Да, настоящий изумруд! – согласился Игнат, – а носик, как нарисованный, губы притягивают к себе словно магнитом! Вот все при ней, и рост, и фигура, ну, прям для меня! – почесав свой крутой подбородок, взглянул на друга.

– Теперь вот думаю, не попробовать ли мне? – сказал Игнат, не то всерьез, не то разыгрывал друга.

– Да ты охренел! – загремел своим басом Илья, выпучив зеленые глаза.

– А, что, почему бы мне не испытать свое счастье? В отличие от некоторых я не сплю с Феней! – укорил его Игнат, – из-за Фени она все равно откажет тебе! А теперь, как я увидел её, и вдохнул исходящий от нее аромат! – он прикрыл свои черные глаза, – вот где, она запала у меня! – широченной ладонью он стукнул себя в грудь, – завтра же пойду к ней, познакомлюсь с ее детьми, а там видно будет!

Илья удивленно посмотрел на него.

– И, когда же ты принял это решение? – спросил он надтреснутым голосом.

– Как только увидел! – он вздернул подбородок. – Только не пытайся, отговаривать меня, я все решил! – сказал Игнат,

сохраняя спокойствие.

Все это, мягко говоря, было неожиданно для Ильи, с шумом он втянул в себя воздух и положил руки на колени, пальцы его чуть заметно подрагивали.

– Ну-ну, давай! На свадьбу не забудь пригласить, жених! – не выдержав гнева, но сдерживаясь, с усмешкой промолвил Илья. – Вставай, мечтатель, пора косить! – взяв литовку, сухой травой он обтер острие, и широким шагом прошел на новый ряд не скошенной пшеницы.

Игнат, поплелся следом за ним, всматриваясь в сторону косильщиц.

ГЛАВА ВТОРАЯ

что ждёт тебя

Закончив косить Матрена торопилась домой. Она думала о прошедшем дне, и образ Игната предстал перед её глазами. Мужик он, конечно видный, сильный и работающий! – пытаясь найти в его внешности то, что не понравилось бы, но не находила.

– Что если бы, он предложил мне замуж, чтобы я ответила?.. – она ухмыльнулась, – а ответ свой знаю, как всегда нет! Может, он добрый и надежный, а вдруг какой-нибудь деспот! Тут никак не угадаешь! – размышляла она.

– Да, замуж не напасть! – сказала она себе, и облегченно вздохнула.

Подходя к своей избе, навстречу ей бежала Тоня – ее внучка.

– Мама-мамочка! – худенькими ручками она обхватила Матрёну и прыгала на тонких ножках.

– Я пригнала Розку домой, – похвасталась она.

Матрена погладила кипельно-белую кучерявую головку.

– Молодец, Танина, ты так быстро выросла, уже помогаешь мне по хозяйству, а совсем недавно, была маленькая, как кукла, а теперь, уже сама за коровой ходишь!

От ее похвалы Тоня была самая счастливая, громко смеялась и прижималась к бедру матери.

Матрена с нежностью посмотрела на нее.

– Что ждет тебя в жизни? – подумала она, – если с самого первого дня появления на свет Божий, была неожиданной и нежеланной!

Она тяжело вздохнула, грудь ее сдавило, в горле появился комок горести, и невольно полились слезы. Она приподняла на руки девочку и крепко прижала к своей груди.

– Я не отдам тебя никому, никому, я люблю тебя больше своей жизни! – дрожащим голосом еле слышно сказала она.

Тоня смотрела на плачущую мать, и не понимала, почему она плачет и говорит, что никому не отдаст!

– Мам, не плачь, – она обхватила ее шею, – почему ты плачешь, мам?

– Я не плачу, – она обратила свой взор за горизонт, – нам пора Розку доить, пойдем, помощница, хозяйничать будем! Видишь, Васька ждет молоко?

Тоня, глядя на своего любимого кота, рассмеялась. У них была взаимная любовь, кот терся своей толстой мордочкой об худые ноги своей подружки, а она со всей нежностью ласкала его. Каждую вечернюю дойку Тоня ходила с матерью, брала алюминиевую пол-литровую кружку, садилась на корточки рядышком с Матреной и подставляла ее под соски огромной коровы. Через минуту молоко наполняло кружку до краев, а сверху поднималась пушистая пена, затем Тоня

пила его, не отходя от матери, с удовольствием смакуя маленькими глоточками, сопела в кружку, а в горле было слышно, как она глотала его. Напившись, облизывала губы, а что оставалось на доньшке, отдавала коту, который терпеливо ждал свою порцию.

Спать, ложились засветло потому, что местность была не электрифицирована, а керосин для лампы экономили.

Больше всего, Тоня любила спать с матерью на мягкой перине и слушать ее сказки. Иногда она рассказывала о бабушке, своем муже и, каждый раз ругала его, что не слушался ее, поэтому бабушку закопали в ямку.

Тоня представляла себе, как это было, и очень боялась, что и ее закопают, поэтому старалась слушаться всех и никогда не забывала об этом.

Ее радовало хорошее настроение матери, но было это очень редко. Одно смешило мать, она часто вспоминала соседку Феклу, как та испугалась радио.

После ВОВ в деревне во всех избах проводили радио и всем жителям безвозмездно выдавали редуторы, это были круглые, большие черные тарелки, которые вешались на гвоздь.

Все жители ждали включения, так как никогда не видели и не слышали, чтобы тарелка говорила. Кому не успели ещё выдать тарелки, пришли к Фекле, чтобы посмотреть на это чудо.

В однокомнатной просторной избе Фёклы кроме русской печи и широкого топчана почти ничего не было. На нем можно было поместиться всем домочадцам из трех ее взрослых дочерей вместе с самой Феклой. Такой же деревянный стол, стоял посередине комнаты, а под ним две длинные скамейки. В углу у печи на старом табурете стоял жестяной небольшой бак, наполненный водой закрытый деревянной крышкой, а на ней стояла солдатская кружка.

Любопытных набралась полная изба. Те, кто моложе и подростки, сидели на печи, опустив босые ноги, а кому не хватило места стояли в сенцах и на улице.

Никто не верил, что тарелка заговорит. Со всех сторон комнаты доносились разговоры, перекрикивали друг друга, переспрашивали. Было очень шумно и похоже на жужжание роя пчел.

– Все это брехня! – говорили одни.

– А может не брехня! Обождем, осталось ждать недолго, – говорили другие, размахивая руками.

Фекла, маленького роста, тощая, но очень проворливая, всегда была впереди всех, и к тому же очень любопытная

Она, как хозяйка избы, могла позволить себе всё. Подтянув скамью ближе к стене, где висела тарелка, поставила на нее старую табуретку, взобравшись на нее, она оказалась выше всех собравшихся. Приложила ухо к тарелке, ее худое лицо было серьезным, а черные глаза, запавшие в орбиты, застыли в ожидании, что заставило собравшихся затихнуть

и насторожиться.

В избе, как по команде воцарилась мертвая тишина, казалось, все кто в ней находился, перестали дышать.

В это время, из тарелки прорвался властный, могучий баритон диктора Левитана.

– «От советского информбюро». – Словно раскатом грома прогремели могучие слова во всем доме, коридоре и даже на улице.

От неожиданности Фекла подскочила и свалилась на рядом стоящих людей с криком:

– Дьявол, бабы-ыыы, дьявооол! – поднявшись с пола и расталкивая гостей, размахивала руками, – пропустите меня, пропуститеее!

Фёклу успокоили с трудом, но после, спустя даже несколько лет, когда внезапно включалось радио, она вздрагивала всегда и матерно ругалась:

– Че орешь?.. Чай не у себя дома!

Каждый раз, когда Матрена вспоминала про этот случай с Феклой, смеялась до слез.

– Ну, и Фекла, черт бы тебя побрал, рассмешила всю деревню!

Глава третья

неприкосновенный запас

Прошло два года, как закончилась Великая Отечественная война, а в деревне продолжалась война с голодом, почти каждый день он уносил человеческие жизни.

– Видимо, Господь Бог отвернулся от нас, – с горечью говорила Матрена, – за то, что Землю-Матушку залили кровью, изранили взрывами снарядов, усыпали трупами людей, да и не только человеческими! От того может, и урожая нет, да и с чего быть ему? В огородах сеяли только тыкву и огурцы, вместо клубней картофеля бросали от него очистки, если они были у кого-то, недаром говорят:

– Что посеешь, то и пожнешь»!

С весны и почти до первого снега, люди паслись, как животные по холмам, полям и пашням, в надежде набрать колосков от пшеницы и ржи или мерзлой картошки. И если посчастливится кому-то набрать узелок колосков, прятали от посторонних глаз под интимные места. После шелушили, жарили и ели по зернышку, утоляя голод. До сих пор ощущается вкус жареной пшеницы и ржи и, кажется, ничего нет вкуснее!

Трудно сейчас поверить в то, что за колоски лишали свободы. Много было доносчиков и завистников, все боялись друг друга.

Ели все, что летало, бегало, ползало и ходило. Кошек, собак и даже крыс, в деревне не осталось.

В не большой речушке без названия, глубина местами по грудь подростка, ловили мелкую рыбёшку подолами своих платьев, рубашками и платками, а после готовили без масла на воде и ели целиком с потрохами. Голод неумолимо уносил жизни людей.

Матрена выбивалась из сил, но собак, кошек и тем более крыс, у себя на столе не могла представить.

– Лучше умрем, – говорила она, – но такое не допущу!

Еще при жизни ее мужа, задолго до войны зарезали молодого бычка, а шкуру от него оставили для выделки на сапоги. Муж её был мастером на все руки, но болезнь скрутила его, а шкура так и осталась нетронутой, и про нее давно забыли.

Тоня с Юрой младшим сыном Матрены хотя и были маленькими, но вели себя по-взрослому, помогали матери перекапывать огород, в надежде найти что-нибудь из овощей и когда это случалось, они с нетерпением ждали, когда мать стоговит и скажет:

– Дети, идите есть!

В этот день, играя в прятки, Тоня спряталась за дверь, где весела шкура, от прикосновения к ней она испугалась

и закричала:

– Мама здесь «Бирюк»!

Матрена поспешила к ней и за дверью у самой стены увидела, что-то накрыто тряпкой, которая по сроку давности истлела. Она вспомнила, как муж оставил эту шкуру для выделки на сапоги. Как же была она рада, что не выкинула ее раньше.

Сейчас же, она отрезала от шкуры кусок, опалила шерсть, два дня вымачивала в воде, а после сварила холодец.

– Тоня, Юра, идите есть! – позвала она детей.

Дети с удовольствием кушали, а она думала, пока шкура не закончится, дети будут сытыми.

– Почему, мам, ты не ешь? – спросила Тоня, – вкусно, попробуй, – и протянула ей ложку с холодцом.

– Я поела, а вы ешьте, ешьте! – ласково сказала она.

Она была очень брезгливой и не могла себя пересилить, хотя бы попробовать, от одного виду этой еды, ее выворачивало наизнанку. От голода, силы покидали её, очаровательные глаза запали, нос заострился.

– Ноги вытяну из-за своей брезгливости! – ругала она себя.

В это время в совхозе держали овец, кормов для них, как и людям не было. Несчастливым даже солому скормили, которой была накрыта крыша кошары. Животные погибали не только от голода, но и от морозов. Каждый день, рабочие вывозили трупы особей в поле, сбрасывали в приготовлен-

ные заранее ямы и закапывали.

Дошли слухи об этом до жителей деревни, они умоляли управляющего совхозом, отдавать им замерзших овец, чтобы как-то поддержать семьи, но тот не только отказал, но и пригрозил:

– Узнаю, кто возьмет, пойдет под суд!

У Марии – дочери Матрены, подружка работала на коша-ре, еще с вечера, она предупредила Марию:

– Завтра будут вывозить овец, если хочешь, ночью пойдем со мной. Попробуем раскопать яму и, хотя бы одну овцу принесем домой!

– Конечно, пойду, только ты не забудь зайти!

– Как можно, подруга? Обязательно зайду, ты жди меня и возьми веревку, она пригодится нам.

На следующий день к ночи, как нарочно разыгралась непогода, поднялся штормовой ветер со снегом, белого света не видно. Было безумием, чтобы решиться идти в лапы смерти, но не остановила девушек метель, они надели на себя фуфайки, отцовы штаны, теплые старенькие платки, изношенные до дыр валенки, вместо рукавиц брезентовые верхонки.

Привязались друг за друга веревкой, чтобы не потеряться и ушли в поле.

– Ничего, Мария, пурга нам на руку, – утешала ее Нюра, – никто не увидит нас, и «горбун» будет сидеть дома, черти бы его с квасом съели!

– Не говори, Нюра, носит же его земля!

Сколько нам еще идти, Нюр? Мне кажется мы идем уже часа три, – сказала Мария.

– Мария, ты уже раз пять спросила, я тоже не знаю!...

– Может, мы сбились с дороги? – вновь спросила Мария.

Нюрка начинала злиться за бесконечные её вопросы.

– Откуда я знаю, мне тоже так кажется, что сбились, но, как сейчас разберешь, ничего невидно! Ну, не возвращаться же назад, по моей памяти, яма должна быть где-то рядом!

Внезапно, они наткнулись на высокий бугор, Нюра поняла, они на месте.

– Ну, вот, Мария, здесь наш неприкосновенный запас, склад с мясом! – прикрывая рот верхонкой от шквального ветра, крикнула она Марии.

– Ну, что, Нюр, отдыхать некогда, будем разрывать.

– Нюра обтерла верхонкой обледеневшие ресницы.

– Начнем, подруга!

– Ну, с Богом, пусть он поможет нам, – сказала Мария, глотая ветер.

Не менее часа ушло на расчистку ямы от снега. А после долбили штыковыми лопатами замерзшую землю. Веревка, которой, они были привязаны друг к другу, мешала им размахнуться, но без неё нельзя, ветер унесет каждую как соломинку.

Прошло несколько часов, пока они наткнулись на замерзшие тела дохлых особей.

– Кому охото было закапывать этих тварей так глубоко? – сказала Нюрка.

– Ну, кто это делал, не знал, что мы придем за мясом! Фу, Нюр, откуда несет зловонью? Ажно голова кружится!

– Это овцы разложились, которых закопали месяц назад! – пояснила Нюра.

Марию стошнило.

Нюрка рассмеялась.

– Ничего, подружка, от этого не умрешь! А вот с голоду... точно ноги вытянешь, так что давай, вытащим свеженьких барашков, а завтра накроем праздничный стол!

Под утро девушки пришли домой.

– Ну, слава Богу! – сказала Мария, соскребая замерзший снег с пушистых ресниц. – Такой сильный буран ничего невидно, еле дотащила две овцы, – сказала она матери. – Снегу навалило, выбились из сил, думали не дойдем, замерзнем! Я хотела уж бросить одну, но жалко, столько протащила, а после подумала, другого случая, может и не быть!.. Хорошо, что взяли с собой веревки, туши привязали к себе, а иначе не знаю, смогли бы мы, что принести или нет! Ну, слава Богу, помог Он нам, теперь детей немного поддержим!

Матрена с болью в сердце смотрела на дочь, прелестные губы ее задрожали, но она, никогда не позволяла себе плакать при детях. У нее и так не просыхали глаза с той минуты,

когда дочь скрылась за занавесой бури, она стояла на коленях перед образом Богородицы и просила вслух:

– Пресвятая, Дева Мария, помоги моей дочери, дай ей силы и укажи дорогу, пусть она видит твоими глазами, да пусть ослепнут глаза доносчика, Аминь.

– Полезай, Мань, на печку, – сказала мать, – погрейся и поспи немного, а то на работу скоро!

Мария, как кошка запрыгнула на горячую печку, почувствовав приятное тепло, с восхищением сказала:

– Какое чудо печка, как на ней уютно!.. Я вот думаю, мам, настанет ли, когда-нибудь конец нашим мучениям?

– Это, дочь, одному Богу известно! Что поделаешь, такая жизнь у нас, никому мы не нужны! И за что наши мужики воевали и отдали свои жизни?

Они там, наверху от жира бесятся, а народ крыс ест, чтоб их там разорвало! Прости меня, Господи! – она перекрестилась, – да враги у нас в правительстве сидят! Видела я одного, в газете была его фотография, Берия Лаврентий, по его физиономии видно враг он, хоть и пишут о нем хорошо, но я увидела в нем предателя, и сказала своим учителям, что думаю о нем, так они зашикали!

«Тише, никому больше не говорите, а то и вас и нас повяжут!»

– Ничего, время покажет, кто был прав! А сколько там их таких? – не унималась Матрена.

– Ничего, мам, на некоторое время у нас есть чем покор-

мить детей!

– Да, дочь, но какой ценой это досталось и что это за еда? Им бы туда на столы нашу еду!

– Наконец, успокоившись, она разделала овец, порубила на куски и вынесла на мороз. Часть мяса отварила и прожарила.

Дети ели с аппетитом, облизывали пальчики.

– Вкусно! Ешь, мам! И ты, Мань, ешь, смотри, какие кушочки зелененькие! – нахваливала Тоня.

Матери смотрели на детей и радовались, что они сыты и мясо можно растянуть на пару месяцев.

– Мам, ты помнишь, как мы жили до войны? – спросила Мария.

– Конечно, дочь, помню, богачами мы не были, но у нас благодаря отцу было всё!

– Да, мам, тятя был у нас мастером на все руки! А, каким был душевным, добрым и жалостливым отцом! Он всегда меня защищал, когда ты ругала меня!

Матрена тяжело вздохнула.

– Если бы меньше, он защищал тебя, может другая была бы у тебя судьба!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Воспоминание

Перед глазами Марии сразу же всплыло довоенное время, как в шестнадцать лет она уехала в город Славгород к сестре Матрёны. Там она встретила молодого, офицера. Между ними завязались близкие отношения, и через некоторое время Мария забеременела. О своем положении, она рассказала своему возлюбленному.

Он был рад и пообещал жениться. С предложением не затягивал, как и обещал, пришел на следующий день к тете, где жила Мария. Приходу любимого, она была рада, прильнула к нему.

Он заглянул в ее счастливые глаза и нежно поцеловал.

– Мне приятно, что ты пришел, Ванечка! – Услышав шаркающие шаги тетки, она обернулась.

– Тетя Лена, это Ваня! – представила его Мария.

Тетка резко отодвинула ее от себя, обратив любопытный взор на Ивана. Перед ней стоял молодой мужчина, измерив взглядом его фигуру, она расширила глаза.

Молодой офицер высокого роста, спортивного телосложения, с очень приятной смуглой кожей полуовального лица, темно-серыми глазами, а над ними выделялись черные дуги

бровей.

Сняв с головы фуражку, он пригладил ладонью аккуратно подстриженные черные волосы.

– Здравствуйте! – сказал он, приоткрыл тонкие, строго очерченные губы, при этом, показав ряд белых ровных зубов, и по всей форме представился:

– Я, Васильев Иван Константинович, прохожу в Славгороде военную службу.

Тетя Лена крупного телосложения, очень своенравная, вредна особа недоверчиво посмотрела на него и ехидно, будто прожевала, промямлила:

– Мне это ни о чем не говорит! – и встала перед ним, загораживая возможность, пройти в комнату.

– С чем пожаловал, капитан?

– Я люблю вашу Марию, – сказал он и, глядя в ее холодные серые глаза, продолжил:

– Мы с Марией любим друг друга и хотим пожениться. Прошу вашего согласия на наш брак!

Тетя подперла руками свои пышные бока.

– Согласие на брак просишь? А ты знаешь, Иван Константинович, она зелена для замужества, придется подождать!

– Подождать? Нет, ждать нам нельзя! – возразил он.

– Почему же, позволь спросить?

– Понимаете, – взяв тетю под локоть, – меня переводят в другой город, а еще! – он ласково посмотрел на Марию.

В ее серо-зеленых глазах, он увидел испуг, она боялась,

что он скажет о ее беременности. На ее лице появился яркий румянец, машинально, она взяла прядь своих волнистых волос, и прикрыла лицо.

Он притянул ее к себе.

– Не бойся, любимая, все будет хорошо, – он взял ее за руку. – У нас с Марией будет ребенок!

– Ах, вот как! – выкрикнула тетя. – Вы уже и ребенка успели сделать? – она отодвинулась от него.

Мария подошла к тете, обняла за плечи.

– Простите, тетя Лена, так получилось, ну, что теперь делать?

– А что ты собиралась делать, когда ложилась под него? А ты, о чем думал, капитан?

– Я люблю Марию! – он понимал, то, что происходит с любимой это его вина. Она не совершеннолетняя, но у него и в мыслях не было обмануть ее. Ему казалось, что его и ее любовь так сильна, и ничто не помешает, им быть вместе.

– Тетя Леночка, – умоляла ее Мария, – пожалуйста, разреши нам пожениться, – влажными глазами заглянула она в ледяные глаза тетки.

– Милочка! – тетя презренно посмотрела на неё. – Как ты посмела приехать ко мне? Ты уличная девка! Что я скажу твоей матери? Она во всем обвинит меня! Ты не знаешь, какого она нрава, честности и чистоты! Не то, что ты, не успело молоко на губах обсохнуть, а ты уже раздвинула ножки, ты распутная девка!

Никогда еще Мария не чувствовала себя такой ничтожной и униженной, если была бы возможность провалиться сквозь землю, она не задумываясь, провалилась бы. На её глазах появились слезы.

Иван с пониманием посмотрел на нее и привлек к себе.

– Не расстраивайся, милая! А вас, тетя, прошу не оскорблять Марию!

– А ты помолчи, кот пакостливый, по тебе тюрьма плачет! Учить меня будешь, как мне с этой дворняжкой обращаться! Пошел вон с глаз моих!

У Ивана вспыхнуло самолюбие, вплотную он подошел к ней и, глядя на нее с высоты своих ног, интеллигентно проговорил:

– Прошу, тетя, подбирайте выражения!.. А ты, Мария, собирайся, поедем ко мне в часть, обойдемся без благословения!

Отпор Ивана разозлил тетю, мгновенно лицо её побагровело, отскочив от него в сторону, она открыла рот.

– Ты, капитан, иди к себе в часть, а эта... – она бросила злобный взгляд на Марию, – поедет к своей матери и пусть родители решают, что делать с нею, а я не хочу, брать на себя такую ответственность! – затем открыла дверь,

– Прошу, капитан, на выход, и советую не беспокоить меня, для твоего же блага!

Иван посмотрел на неё оценивающим взглядом, усмехнулся краешком губ и повернулся к Марии.

– Идем, милая! – он взял её за руку.

– Нет! – выкрикнула тетя, резко оттолкнув от него Марию.

– Я за неё в ответе, а ты пошел вон!

Иван знал, что дальнейшие его действия только усугубят жизнь любимой.

– Мария, я заберу тебя отсюда!

– Пошел вон, заберет он! – с визгом выкрикнула тетя.

– Я люблю её! – бросил он через свое плечо.

– Люби, капитан, тебе никто не запрещает! – и закрыла за ним дверь на ключ.

– Мария! – кричал он за дверью, – никуда не уезжай, я вернусь за тобой! Решу вопрос в части и заберу тебя! Ты меня слышишь, Мария?

– Слышу, я подожду тебя, – прижавшись щекой к двери, крикнула Мария и, рыдая, сползла на пол. Её светло-русые волосы рассыпались по всей спине. Она сидела на коленях, и плечи ее часто вздрагивали.

– Уйди от двери и замолкни! – вскричала тетка, и схватив ее за волосы, оттащила в сторону, – устроила здесь «дом терпимости»! – бесцветные большие глаза тетки стали еще больше, а лицо приобрело бордовый цвет. Ноздри носа значительно расширились, тонкие губы, как у рыбы то открывались, то закрывались.

Мария не обращая внимания на оскорбления и унижения тетки, обняла её.

– Тетя Лена, миленькая, не сердитесь, разрешите нам по-

жениться, я люблю его!

– Забудь об этом! – оттолкнув её от себя, добавила:

– Завтра же поедешь к матери, в свою деревню! – ночью Мария пыталась открыть дверной замок и убежать, но «Заботливая» тетка не спала всю ночь, не спуская глаз с племянницы.

Всю ночь Мария проплакала, боясь разлуки с любимым. У нее было предчувствие, что никогда больше не встретится с ним.

Так и случилось. На следующий же день рано утром, тетка отправила Марию домой. А часом позже, за ней пришёл Иван. Не успел он, закрыть за собой дверь, как услышал змеиное шипение тетки.

– А, женишок, явился! Опоздал ты, уехала твоя невеста!

– Как уехала? – растерянно спросил он.

– Как и все уезжают! – ехидно ответила тетя.

– Вы шутите? Не может она уехать! – криво улыбаясь, произнес он.

– Смогла! Хотя и не хотела, – ледяным тоном сказала она.

– У нее будет ребенок, тетя!

– Какая я тетя?.. Об этом думать нужно было раньше, молодой человек!

– Тогда пожалуйста, дайте мне её адрес, куда она уехала, я поеду за ней!

– А вот этого, я сделать не могу! – с ухмылкой сказала она.

– Ну, почему? Вы представляете, что ее ожидает?

– Представляю, конечно, но ничем не могу помочь! Ищи, если любишь, найдешь! – равнодушно сказала она.

– Я вас умоляю! Пожалуйста, не ради нас с Марией, а ради нашего ребенка! Скажите, куда она уехала?

– Все, капитан, ты свободен, не смею больше задерживать! – сказала она командным тоном.

– Да что вы за человек?.. За что вы так с нами?

– За то, что ты забыл о своей чести, капитан! Соблазнил девчонку и...

– Что и? – вспыхнул Иван. – Я люблю ее и хочу жениться на ней! А вы изо всех сил стараетесь нас разлучить!.. С вашей стороны вы должны быть заинтересованы в ее замужестве и счастье!

– Я никому, ничего не должна и не обязана! – голос ее перешел на крик.

– Не учи меня, а научись сам сдерживать себя, Иван, как там тебя?

– Константинович! – произнес он.

– Вот-вот, Константинович, а теперь прошу, – она показала рукой к выходу.

Иван подошел к двери, повернулся к ней, подняв свой крутой подбородок и вместо слова до свидания, сказал:

– Я найду ее, как бы вы не хотели! После вам же будет стыдно!

Совершенно случайно на сундуке у двери, Иван заметил белую шелковую блузку Марии, легким взлетом руки он

сгреб ее и прижав к своей груди, сунул под мышку, затем ударом ноги открыл, а после закрыл дверь.

Тетка вздрогнула и вслед ему выпустила ряд проклятий.

– Ищи, – выкрикнула она, – для этого тебе не хватит всей жизни!

Выйдя из дома, Иван присел на скамью, на его глаза накатили слезы. Закрывая лицо блузкой любимой девушки, он долго вдыхал в себя нежный запах еще неостывшего тела Марии.

Глава пятая

признание

Через пару дней, Мария вернулась к родителям. Настроение было подавленным. Разлуку с любимым, она переносила болезненно. Из ее головы ни на минуту не выходил образ Ивана. Она, как бы перечитывала страницы любимой книги и думала о том, что с ней произошло, и что теперь делать, со своим горем?

Отец не мог не заметить, как Мария каждый день смахивает со щёк, вдруг появившиеся слезы. Еще больше, он был обеспокоен её болезненным видом.

Однажды, он посадил ее на колени, как в детстве и, глядя в ее влажные глаза, с тревогой спросил:

– Мань, признайся мне, тебя мать обидела? Так ты не бойся, скажи, я сумею защитить тебя!

– Нет, нет, тятя! – она уткнулась лицом в мощную грудь отца и так разрыдалась, что никакие уговоры ей не помогли. Наконец, слезы же ее и успокоили.

– Мария, ты только скажи, кто тебя обидел, ты же знаешь, я за тебя!...

После, она уже пожалела, что не рассказала отцу, как тетка обошлась с ней и отцом ее ребенка. Может, все было бы

по-другому, а может, он бы сам поехал к тетке и все устроил. Но страх перед своей матерью, остановил её поделиться девичьим горем.

– Да нет, тять, все хорошо, только скучно дома сидеть, может, я работать пойду?

Отец обвел зорким взглядом дочь и подумал:

– Может, и действительно, для тебя будет лучше! А, что, дочка, все равно в нашем совхозе другой работы нет, если хочешь, иди, поработай дояркой! Там много молодежи, будет веселее.

Время шло, Мария заметно стала округляться. Ее подруга, Нюрка была постарше и опытнее, она все присматривалась к ней и думала.

– Что с ней происходит? – не выдержав любопытства, спросила:

– Мария, ты часом не беременна?

Этот вопрос, будто громом прогремел над головой Марии и жаром обдало с ног до головы. Она засмузилась, серо-зеленые глаза наполнились слезами, прислонившись к кирпичной стене коровника, медленно сползла на солому.

– Почему ты спросила? – Нюра окинула её взглядом и промолчала.

– Нюрочка, я расскажу тебе все, только ты никому! – глотая слезы, проговорила Мария, и как на исповеди перед бабюшкой все рассказала подруге.

Нюрка с сочувствием выслушала ее.

– Ничего, Мария, не плачь. Расстраиваться тебе нельзя... – Мгновение помолчав, спросила:

– А родители знают?

– Да что ты, Нюра? Если бы они узнали, я бы уже в могиле была! Отец еще куда ни шло добрый, а вот мама! – она закрыла руками лицо и тихо заплакала.

– Ну, что мне с тобой делать? – Нюра обняла подругу, – вот что ты утягивайся, чтобы никто не заметил твоего живота, а я не скажу никому!

На работе Мария находилась допоздна, утренняя дойка в четыре утра и длилась до восьми часов, затем в четырнадцать и в двадцать часов последняя дойка. Практически днями, она находилась на ферме, домой возвращалась, когда родители уже спали, и утром уходила, они тоже спали, поэтому, ни мать, ни отец, никаких перемен за ней не замечали.

– Отец, не кажется ли тебе, что наша дочь изводит себя работой? – спросила мужа Матрена, – работает наравне с взрослыми женщинами! Я подумала, надо будет ей переждать зиму, пока пройдут морозы, а весной если захочет, может, пойти еще поработать

– Да, Мотя, я думал уже об этом, живем мы, слава Богу, жаловаться грех!

Матрена посмотрела в большие серые глаза мужа.

– Что это, отец, твои глаза на мокром месте?

– Ничего, мать, – он часто заморгал и поторопился

встать, – пойду, посмотрю на хозяйство!

Матрена проводила его взглядом.

– Такой великан, а сердце мягкое, доброе! За тобой, я как за каменной стеной, и сам не обидишь и в обиду не дашь, – сказала она закрытой двери.

Чтобы переговорить с дочерью, нужно было, приложить максимум усилий.

– Ну, Мотя, наша Мария вся в тебя труженица, будет работать, пока не упадет! Мы не видим ее ни днем, ни ночью!

– Ничего, отец, сегодня мы дождемся её, через час она должна прийти! А мы с тобой, пока чайку с молочком попьём!

Через пару минут, она накрыла стол пирожками и сладостями.

– Ну, давай, Ваня, присаживайся, пока то, да сё и дочка придет!

Ждать пришлось меньше, чем они думали, за дверью слышался шорох.

– Ну, что я говорила, отец? Вот и работница наша пришла! – с радостью сказала Матрена.

Мария открыла дверь и, при виде родителей почувствовала прилив крови в конечностях, она втянула в себя живот настолько, что стало тяжело дышать.

– Почему вы не спите? – изумленно спросила она, – время уже позднее!

– Дочь, мы хотим поговорить с тобой, – сказала мать.

От страха Мария замерла.

– Всё, мне конец! – подумала она.

Мгновенно все ее тело пронзило иголками, во рту пересохло, а в серо-зеленых глазах появились слезы.

– Мама, тятя, простите меня, я не хотела! – она бросилась к ногам матери и разрыдалась.

– Да что ты, дочка? – вскочил со стула отец, приподнял её.

– Родная моя, да мы все знаем с мамой, не волнуйся!

– Что вы знаете? – через рыдания спросила она.

– Ну, как, что? Не по силам тебе работа, тяжело взрослым дояркам, а ты совсем ребенок и работаешь наравне с ними! Все! Больше ты не пойдешь в коровник! Люди нас обсмеют, живем, считай лучше других, а дочь работает день и ночь! Нет и нет, никаких работ! – повысив голос, сказал отец.

От переполненных страхом чувств, Мария не могла держаться на ногах, она почти повисла на руке отца.

Он усадил ее за стол.

– Вот так, дочка, посиди!

– Слава Богу, пронесло! – подумала Мария.

– Успокойся, дочь, – сказала мать, – будь она проклята эта работа, до чего доработалась, на ногах еле держишься, а исхудала то как!

– Да нет, мам, все в порядке, – прерывистым голосом сказала она.

– В порядке, оно и видно, какой порядок, с ног валишься!... Будешь пирожки с черемухой? – заботливым голосом

спросила мать.

– Нет, мама, не буду, я молока напилась! Хочу спать, завтра рано вставать.

– Нет, дочка, – строго сказал отец:

– Завтра на работу ты не идешь! Хватит нам с матерью переживать за тебя!

– Не могу я не пойти, тять, моих коров доить некому! И вообще, мне нисколько нетрудно, а наоборот!

– Ну, что ты будешь с ней делать, мать? Никто так не рвется на работу, как она! Доченька, ты зиму посиди дома, а весной поедешь на выпасы! – уговаривал ее отец.

– Тогда, мне будет еще труднее! Вы же знаете, животные привыкают к своей хозяйке, и я к ним тоже привыкла, они для меня стали как подружки! Узнают меня не только по голосу, но даже в лицо! – она сделала подобие улыбки, – я пойду спать! – втянув в себя живот, чмокнув отца с матерью в щеки ушла в свою комнату.

– Ну, что с ней ты сделаешь? Вот характер! – возмущалась Матрена.

– Хм, – отозвался отец, – вся в тебя! – нежно улыбаясь жене, сказал он, обнимая ее за плечи.

– Пойдем, милая, и мы почивать!

Глава шестая

Боюсь разоблачения

Нюрка, как могла опекала Марию и не позволяла ей поднимать наполненные фляги с молоком.

– Ты побереги себя, не ровен час надорвешься, и начнутся роды на виду у всех!

Больше всего Мария боялась разоблачения своей беременности и делала все, как ей говорила подруга.

Нюрке нравилась ее покорность, и она следила за ней, как за маленьким ребенком. После обедней дойки, подруги зарывались в куче соломы и шептались. Нюрка положила руку на живот Марии и тут же подскочила.

– Ты что? – удивленно спросила Мария.

– У тебя ребенок шевелится! – расширив карие узкие глаза, сказала Нюрка. – Никогда не слышала шевеление ребенка у человека! А вот у своей коровы слышала! И ты знаешь, очень, похоже! А сама ты слышишь, как бьется ребенок?

– Первый раз услышала в декабре месяце, – с грустью сказала Мария.

– Выходит, ты должна скоро родить! Если считать в декабре ты услышала шевеление, значит, в мае должна кого-то родить! – деловито сказала Нюра, – и что мы имеем? На все

про все, два месяца осталось до родов!

– Ну, наверное, я не знаю, – задумчиво сказала Мария. – Скорее бы в поле, там никто, ни о чем не догадается!

– А куда ты ребенка денешь, Мария?

– Не знаю пока, но к маме с отцом точно не пойду!... Все было бы хорошо, если бы не эта тетка! Она всю жизнь мне поломала, чтобы ей было как мне! – она сглотнула и тяжело вздохнув, сказала:

– А может, мне поехать в Славгород? Город не большой, вдруг встречу Ваню, и тогда, закончатся мои страдания! – она грустно улыбнулась.

– Все было бы так, но Ваня говорил тетке, что его переводят в другой город. Так, что, подруга, все против меня!

– Ничего, Бог не выдаст, свинья не съест! Сейчас главное, ты береги себя и все будет хо-ро-шо!

По весне все совхозные гурты коров угоняли на вольные луга, вместе с ними выезжали все бригады доярок, разбивали лагеря, ставили палатки и жили обычной жизнью.

Мария, после дойки уходила в забокую или в глубь лугов, собирала ягоду, рвала слизун и черемшу, угощала всех доярок, положит на стол узел, или поставит ведро с ягодой, скажет:

– Ешьте, лежебоки!

– Женщины очень любили ее за ловкость и трудолюбие.

– Хороша девчонка! – прохрипела бригадир, – красавица и чистоплотна во всем, даже с коровами как с детьми, охото

ей с ними возиться, хвосты им намочет, начешет и бантики завяжет, кому-то повезет, кто женится на ней!

Она пристально взгляделась в Марию, – надо же уродиться такой красавицей? Совершенно правильные черты лица, белая бархатистая кожа, густые светло-русые волосы, брови, как нарисованные будто взмах крыльев птицы! А глаза, я не видела таких глаз за всю свою жизнь!! Жалко, что у меня нет сына, а то взяла бы ее в невестки!

– Да, ты права, бригадир, – соглашались доярки, – ей бы на подиуме красоту показывать, а не коров доить! Высокая, ноги от ушей растут, фигурка выточена, ну, прямо загляденье!

– Что, правда, то правда, ни к чему не прикопаешься! – подтвердила бригадир.

– А тут ни кожи, ни рожи! Нос на десятерых рос, глаза как у вороны, губы как у лошади, даже смотреть не хочется!

Глава седьмая

От себя не убежишь

В конце мая, на утренней дойке, у Марии потянуло низ живота.

Как и всегда, раньше всех, она закончила дойку и ушла в палатку. Тянущие боли повторились и снова исчезли. Не раздеваясь, она прилегла на топчан и заснула, но сон был недолгим, острая боль вынудила ее громко вскрикнуть.

– Господи! – она ухватилась за живот, – почему так больно? Неужели я рожая? – от этих мыслей, она подскочила с топчана, посмотрела по сторонам.

– Пока никого нет, надо бежать куда-нибудь подальше отсюда! – захватив с собой большой кашемировый зеленый платок, быстро сбежала в низину крутого луга, где её никто уже не увидит и не услышит.

Схватки то появлялись, то пропадали, но ненадолго, с каждым разом, они были чаще, острее и продолжительнее, но вскоре боль стала нестерпимой.

Она кричала так мучительно и громко, что перепуганные птицы покидали свои гнезда, а крик подхватывало утреннее эхо и разносило по всей округе.

– Хорошо, что я одна, никто ничего не узнает! – подума-

ла Мария, – теперь, где бы укрыться? – она обвела взглядом растущие вблизи кустарники, среди них выделялось одно не высокое, но ветвистое дерево.

Через боль и слезы она дошла до него, нарвала травы, смастерила ложе и прилегла, накрывшись платком.

Женщины закончили дойку, переоделись и встали у котла, где доваривалась затируха. Это блюдо готовили на одном молоке, оно очень вкусное, и любили его взрослые и дети.

– Девчата! – позвала их бригадир, – ешьте пока горячее, накладывайте себе сами!

Девушки не заставили долго себя уговаривать, быстро опорожнили котел и разошлись по палаткам.

– А, где Мария? Затируха ее любимое блюдо, пусть поторопится, не то голодной останется!

– Не знаем! – ответил кто-то из девчат. В палатке ее нет, она закончила дойку, еще темно было, наверно опять в забок ушла!

– И не сидится же ей! Спала бы себе до обеда, ох и непоседа! – сказала бригадир.

– А кто-нибудь слышал сегодня утреннее эхо? Похоже, кричала женщина, – сказала Шурка (По кличке мосол).

Она была очень худая, поэтому жители деревни прозвали её «Мосол».

Нюрка сразу подумала о Марии, смуглое ее лицо приобрело багровый цвет, а сердце поднялось к горлу, карие глаза

испуганно посмотрели на бригадира. Она забежала в палатку, остановилась, топчан Марии заправлен, а цветного платка на месте не было.

– Где же ты, горе луковое? – с минуту, она размышляла, – что делать, с чего начать? – но уже точно знала, в утреннем эхо был крик Марии. – Она рожает одна и неизвестно где!

Прихватив с собой два плотных покрывала, кубарем вниз она скатилась по косогору. Было очень тихо, лишь изредка мелкие птички издавали звуки, вышло солнышко, стало приятно тепло, трава начала подсыхать от утренней росы.

Нюра посмотрела на чистое голубое небо,

– День должен быть замечательным, а значит, у нас с тобой, Мария, все будет хорошо! Только, где ты спряталась, подруга моя золотая?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.